

A close-up, high-angle shot of a woman in military camouflage gear. She is holding a black assault rifle with a scope. Her hair is dark and slightly damp, and she has a serious expression. The background is blurred, showing what appears to be a military vehicle.

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ МОРЕ.
ИСТОРИЯ СНАЙПЕРА

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Сергей Патрушев

**Там, где кончается
море. История снайпера**

«Автор»

2026

Патрушев С.

Там, где кончается море. История снайпера / С. Патрушев —
«Автор», 2026

Она — Призрак. Лучший снайпер особого подразделения, девушка, чья жизнь подчинена баллистике, поправкам на ветер и холодному расчету. Он — Клинок. Мастер ближнего боя, человек, который привык побеждать в рукопашной и никогда не отступать. Когда их объединили в пару для выполнения самых опасных миссий, оба думали, что это временно. Но война распорядилась иначе. Среди выстрелов и погонь, предательств и засад родилось чувство, которое оказалось сильнее страха и долга. Однако у прошлого длинные тени. Частная военная корпорация «Аргус», секретные эксперименты и люди, привыкшие покупать чужие жизни, встают на их пути. Им предстоит сделать выбор, который разрушает душу: деньги или честь, любовь или свобода, правда или спасение. И когда цена выстрела становится равной цене жизни, наступает момент, в который решается всё. «Там, где кончается море» — это история о двух израненных сердцах, которым выпало сражаться не только с врагами, но и с собственными демонами.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Там, где кончается море. История снайпера

Глава первая: Призрак в оптике

Дождь барабанил по стеклу мансарды, превращая огни ночного мегаполиса в размытые акварельные пятна. Кира сидела, поджав ноги, на широком подоконнике, закутавшись в старый плед, и смотрела сквозь пелену воды на город, который никогда не спит. В такие минуты затишья ей казалось, что вся её жизнь — это череда таких же размытых кадров, где она пытается навести резкость, но прицельная сетка всё время ускользает, оставляя лишь чувство холодного металла под пальцами. Она не была обычной девушкой. В свои двадцать пять лет Кира носила звание старшего сержанта особого подразделения «Тень», и её личное дело было засекречено лучше, чем планы президентской гвардии. Но никто, глядя на эту хрупкую шатенку с глубокими карими глазами, в которых застыла странная, не по возрасту, мудрость, не мог бы предположить, что она — один из лучших снайперов континента.

Её история не была историей о мести, как часто пишут в дешёвых романах. Не было жестокого убийства семьи или рокового предательства. Был холодный, методичный отбор. В пятнадцать лет её, круглую сироту из провинциального детдома с уникальными способностями к математическому анализу и физической выносливостью, завербовали в закрытую академию. Там из девочек и мальчиков делали живое оружие. Кире нравилась баллистика. Ей нравилось просчитывать траекторию с учётом деривации, влажности, силы и направления ветра. Она чувствовала пулю кожей. Когда инструктор впервые вложил ей в руки СВД, она поняла — это продолжение её указательного пальца. Выдох — и смерть на расстоянии километра становится просто вопросом физики. В этом не было жестокости, была лишь чистая, незамутнённая эффективность. За десять лет службы она выполнила сорок три контракта, и ни один из них не был простым. Её прозвали Призраком, потому что она никогда не оставляла следов и никогда не промахивалась. Но эта безупречная точность сделала её одинокой. Она жила в мире формул, поправок и ожидания. Сердце её, казалось, тоже стало мышцей, работающей строго по графикам кардиограммы, без сбоев и ушащений.

Этим вечером одиночество ощущалось особенно остро. Завтра предстояла новая миссия, но сейчас, в этой мансарде, заставленной книгами по искусству и старыми виниловыми пластинками (её единственной слабостью и напоминанием о том, что она человек), Кира чувствовала глухую, щемящую пустоту. Она научилась попадать в цель на расстоянии тысячи двухсот метров, но так и не научилась попадать в ритм обычной жизни. Её сверстницы обсуждали моду и строили отношения, а она знала, как выжить в лесу без еды неделю и как поставить глушитель так, чтобы звук выстрела был тише щелчка пальцами. Она была чужая на этом празднике жизни, как дорогой, но бесполезный на гражданке инструмент.

Командование, чувствуя её нарастающую психологическую усталость, приняло неожиданное решение. Ей дали напарника. Не просто корректировщика, а равного. «Это пилотный проект, Кира, — сказал тогда сухой, как пергамент, полковник Громов. — Синергия двух лучших. Ты — винтовка, он — клинок. Поработаете в паре на сверхсложных объектах. Приказы не обсуждаются». Кире было всё равно. Она привыкла работать одна и считала, что любой напарник — это обуза, дополнительная переменная, которую она не сможет контролировать.

Знакомство состоялось на следующий день в закрытом тире, спрятанном глубоко под землёй. Кира вошла бесшумно, держа в руке кофр с разобранной винтовкой. В помещении пахло ружейной смазкой и металлом. Там уже находился мужчина. Он стоял спиной к ней, разглядывая мишени на дальнем рубеже. Фигура его была поджарой, но в ней чувствовалась пружинистая, взрывная сила. Услышав её шаги (а ходила Кира практически бесшумно), он обернулся.

Это был Ярослав. Высокий, чуть выше неё, с резкими, волевыми чертами лица, которые смягчала неожиданно добрая улыбка. У него были тёмные волосы, небрежно спадающие на лоб, и глаза цвета грозового неба — стальные, с искрами. Они сверлили её, оценивая, но без тени пренебрежения или мужского превосходства, к которому Кира привыкла в армии. Он излучал спокойную уверенность человека, который не раз смотрел смерти в лицо и привык побеждать в ближнем бою. Ярослав был мастером тактического проникновения и штурмовиком экстра-класса. Его тело было оружием. Но его глаза... В них горел живой, неподдельный интерес.

— Призрак, — произнес он низким, грудным голосом, который странным эхом отозвался где-то внутри Киры. — А я думал, ты выше ростом.

— А я думала, что мне не нужен мальчик на побегушках, — парировала она, проходя к своему рубежу и ставя кофр на стол.

Ярослав усмехнулся, и эта усмешка на мгновение обезоружила её. Она привыкла к почти-тельности или к скрытой враждебности, но не к такому открытому, мальчишескому веселью.

— Острый язычок. Это хорошо. Скучно не будет. Но посмотрим, как ты стреляешь, когда цель двигается вне математических таблиц.

Первая совместная миссия не заставила себя ждать. Им поручили нейтрализовать лидера картеля, укрепившегося в заброшенном портовом комплексе. Задача была архисложной: Кира должна была занять позицию в старом диспетчерском пункте и обеспечить прикрытие, пока Ярослав проникал внутрь через лабиринт контейнеров и ликвидировал цель. Но всё пошло не по плану с самого начала. Кира, выдвигаясь на точку, заметила засаду, которую разведка проморгала. Трое боевиков с приборами ночного видения брали позицию Ярослава в клещи. Он шёл прямо в ловушку.

В этот момент Кира столкнулась с выбором: строго следовать приказу и выйти на точку для основной цели, рискуя потерять напарника, или нарушить протокол. Её пальцы уже привычно легли на ложе винтовки. Она вскинула «Винторез», поймала в перекрестье оптики фигуру первого стрелка. Ветер был порывистый, юго-западный, расстояние — триста двадцать метров. В наушнике раздался тихий, напряжённый голос Ярослава: «Я вижу их. Поздно. Отходи на точку, я разберусь». В голосе не было страха, была досада.

Кира ничего не ответила. Она плавно, как на тренировке, нажала на спуск. Хлопок. Фигура первого боевика обмякла и исчезла за грудой металлолома. Второй, не поняв, откуда пришла смерть, замешкался на долю секунды. Этого хватило. Ярослав, словно серый призрак, метнулся из тени, бесшумно снял второго, и тут же Кира увидела в прицел, как он поднял руку, показывая ей знак «спасибо». Вспышка третьего выстрела осветила ночь, и последний стрелок рухнул, так и не успев нажать на курок.

— Отличный выстрел, Призрак. Семьдесят сантиметров левее, и ты попала бы в меня, — раздался в эфире его слегка насмешливый голос. — Продолжаем?

— Не мельтеши, — только и ответила она, чувствуя, как непривычное тепло разливается в груди. Он не просто выполнял приказ, он действовал синхронно с ней, читая её тактику с полувздоха.

Основная цель была ликвидирована через час. Кира, как всегда, отработала чисто, сняв лидера картеля через узкое окно склада в тот самый момент, когда Ярослав отвлёк охрану, имитировав взрыв на противоположной стороне. Это была виртуозная работа. Они вернулись на базу на рассвете. В кузове грузовика, пропахшего соляжкой, царила усталая тишина. Ярослав сидел напротив и смотрел на неё тем самым долгим, изучающим взглядом, который заставлял её нервничать.

— Ты спасла мне жизнь, — тихо сказал он, когда мотор взревел и шум позволил говорить, не опасаясь чужих ушей. — Я твой должник.

— Это была просто баллистическая задача, — ответила Кира, отворачиваясь к окну, но чувствуя, что её щёки чуть порозовели.

— Нет, Кира, — он впервые назвал её по имени, и от звука её имени, произнесённого этим голосом, мурашки побежали по спине. — Баллистическая задача не предполагает риска разжалованием. Ты нарушила приказ ради меня. Я это ценю.

С этого момента между ними что-то изменилось. Начались изнурительные, но странным образом наполненные жизнью недели. Они стали неразлучны. Командование, видя эффективность тандема, забрасывало их в самые горячие точки. Они прикрывали друг друга в джунглях, где воздух был плотным, как вода, а ядовитые змеи опаснее вражеских пуль. Они залегали на двое суток в снежном насте высоко в горах, согревая друг друга теплом тел, когда отказывала техника, и Ярослав рассказывал ей смешные истории из своего детства, чтобы она не заснула вечным сном. Она, в свою очередь, учила его видеть мир через оптику — замечать детали, которые спасают жизнь: неестественно примятую траву, блик от стекла, слишком тихое пение птиц.

Однажды, во время засады на кортеж военного преступника в пыльном восточном городе, план снова рухнул. Кира, находившаяся на крыше полуразрушенной мечети, увидела, как Ярослава, прикрывавшего отход их агентурной группы, зажали в узком переулке. Его боекомплект подходил к концу. Он отстреливался короткими очередями, но силы были неравны. Пятнадцать боевиков, вооружённых до зубов, окружали его позицию. Кира видела это через свою оптику, словно в замедленной съёмке. Палец на спусковом крючке, вдох, выдох. Но цели были повсюду. Она не могла убрать всех одновременно. И тут она увидела, как Ярослав посмотрел вверх, прямо в её сторону. Он не знал точно, где она, но знал, что она там. И в этом взгляде не было мольбы. Была вера.

Это подействовало на Киру как удар тока. Страх за него — липкий, животный страх, какого она не испытывала никогда в жизни, — сменился ледяной, нечеловеческой концентрацией. Она вошла в то состояние, которое инструкторы называли «боевой транс». Время для неё остановилось. Она перестала быть человеком, став функцией. Винтовка в её руках

запела. Выстрелы следовали один за другим с механической точностью метронома. Она стреляла не целясь, повинаясь наитию. Каждая пуля находила свою цель. Боевики падали, не понимая, откуда ведётся огонь. Ярослав, воспользовавшись хаосом, сменил позицию и добил оставшихся. Когда всё было кончено, он поднялся во весь рост среди тел и снова посмотрел в её сторону, и по губам его медленно расплзлась улыбка.

— Ты видела это? — прошептал он в микрофон, тяжело дыша. — Это было прекрасно. Ты была прекрасна. Ты мой ангел-хранитель, Кира.

Вечером того же дня они сидели на крыше гостиницы, служившей им конспиративной квартирой. Город внизу гудел, но здесь, наверху, было тихо. Над ними раскинулось невероятное звёздное небо, такое яркое, какое бывает только на Востоке. Ярослав протянул ей чашку с крепким сладким чаем. Их пальцы встретились. На этот раз Кира не отдернула руку. Она посмотрела на него. Без бронежилета, в простой серой футболке, обтягивающей рельефные мышцы, он казался уставшим, но его глаза сияли ярче звёзд.

— О чём ты думаешь? — спросил он, садясь рядом так близко, что она чувствовала тепло его плеча.

— О том, что я чуть тебя не потеряла, — честно ответила она, и её голос дрогнул. Впервые она позволила себе озвучить этот страх. — Я не могу работать, думая, что тебя могут убить. Это не по протоколу. Напарник не должен быть... важнее задания.

Ярослав медленно повернулся к ней. Его серьёзное лицо было совсем близко. Он осторожно, словно боясь спугнуть, взял её лицо в свои ладони. Его ладони были тёплыми и шершавыми.

— К чёрту протокол, Кира, — прошептал он. — Ты важнее любого задания. Мы — это не просто два одиночки, работающих в паре. Мы — одно целое. Я понял это там, в переулке. Ты моё сердце, которое бьётся вне моей груди. Я люблю тебя. И будь что будет.

Слова, которых она ждала всю жизнь, которых боялась и жаждала, упали в её душу, как камни в тихую воду, разойдясь кругами дрожи по всему телу. Она не нашла слов. Вместо ответа она просто подалась вперёд и поцеловала его. Это был первый поцелуй в её жизни, наполненный не страстью, а какой-то отчаянной нежностью и вкусом солёных слёз, которые текли по её щекам. Ледяная броня, которую она выстраивала годами, треснула и осыпалась, оставив просто девушку, влюблённую в мужчину.

Их миссии не стали менее опасными. Напротив, командование, узнав об их отношениях (скрывать что-либо в их среде было бесполезно), стало поручать им самые невыполнимые задачи, справедливо полагая, что теперь, когда они защищают друг друга, их эффективность возросла многократно. Их связь стала их сверхспособностью. Кира была без промаха, зная, что Ярослав ждёт её выстрела как сигнала. Ярослав шёл на штурм, зная, что Кира видит всё, что происходит за его спиной, и уберёт любую угрозу. Они научились общаться без слов, понимая друг друга по дыханию в эфире, по малейшему движению. Они стали легендой в мире тайных операций — непобедимый дуэт, где один — разящий клинок, а другой — всевидящее око.

Опасные миссии теперь были не просто работой. Это была их жизнь. Они вместе пробились через минные поля, вместе падали в грязную воду от близких разрывов, вместе делили

последний глоток воды, вместе зашивали раны друг другу под светом налобных фонариков. Ярослав, рискуя жизнью, однажды вынес раненую Киру из-под шквального огня, когда осколок гранаты перебил ей ногу. Она, в свою очередь, на спор прострелила веревку виселицы, на которой враги пытались вздёрнуть Ярослава, когда они попали в плен. Они прошли через огонь и воду, и их любовь, рождённая в лабиринте теней, становилась только крепче.

Она перестала видеть мир через холодную сетку прицела. Она научилась видеть его глазами Ярослава — полным красок, эмоций и жизни. Снайпер-призрак, девушка, покоровшая сердце самого бесстрашного бойца, обрела свой собственный дом — не в стенах мансарды, а рядом с ним. И какой бы ни была следующая миссия, Кира знала: пока они вместе, пока их сердца бьются в унисон, они непобедимы. Дождь за окном их временного убежища всё так же барабанил по стеклу, но теперь этот звук не казался ей симфонией одиночества. Это был ритм их общего будущего, опасного, непредсказуемого, но наполненного любовью. Завтра их снова ждал бой. Но сегодня у них была эта ночь и бесконечность звёзд, на которые можно смотреть вдвоём.

Глава вторая: Последняя пуля

Рассвет занимался медленно, словно нехотя прокрашивая серым вершины далеких гор. Кира лежала на жестком матрасе, закинув руки за голову, и слушала дыхание Ярослава. Он спал безмятежно, как спят только люди с абсолютно чистой совестью или те, кто полностью доверяет тому, кто рядом. Его рука тяжело покоилась на ее животе, согревая даже сквозь ткань армейской футболки. Кира боялась пошевелиться, чтобы не разбудить его. В эти предрассветные минуты, когда мир еще балансировал на грани сна и яви, она позволила себе роскошь просто быть женщиной, а не боевой единицей.

Последние полгода слились в один напряженный, выматывающий марш-бросок. После успешной ликвидации лидера восточного картеля командование словно помешалось на их тандеме. Их бросали из одного пекла в другое. Балканы, Юго-Восточная Азия, снова Восток. Они не успевали ни высохнуть, ни согреться, ни просто выдохнуть. Но Кира не жаловалась. Рядом с Ярославом даже ад казался приемлемым местом. Он обладал удивительной способностью находить свет в кромешной тьме. Мог рассмешить ее дурацкой шуткой за секунду до выхода на огневой рубеж. Мог прочитывать наизусть Есенина, когда они лежали в грязи под проливным дождем, пережидая патруль. Мог согреть одним взглядом.

Ярослав заворочался, его веки дрогнули. Он всегда просыпался бесшумно, мгновенно возвращаясь в реальность. Серые глаза остановились на лице Киры, и на его губах расцвела та самая улыбка, от которой у нее до сих пор что-то переворачивалось внутри.

— Не спится, снайпер? — прошептал он, притягивая ее ближе.

— Думаю, — уклончиво ответила она.

— О грядущем конце света? — он потерся носом о ее висок. — Слышал, нам сегодня озвучат что-то грандиозное.

Словно в ответ на его слова, на прикроватной тумбе завибрировал защищенный планшет. Кира вздохнула и потянулась за ним. Сообщение было коротким, как автоматная очередь: «Прибыть в центр тактического планирования. Код „Омега“. Немедленно».

Через сорок минут они стояли в стерильно-белой комнате перед огромным тактическим экраном. Здесь уже собралась небольшая группа: сам полковник Громов, несколько аналитиков с бледными лицами и начальник внешней разведки — грузный мужчина с тяжелым взглядом, которого все звали просто «Шеф». Атмосфера в помещении была сгущена до предела. Громов выглядел мрачнее тучи. Кира знала это выражение его лица — ничего хорошего оно не предвещало.

— Рад, что вы оба живы и относительно здоровы, — начал Громов без предисловий, щелкая кнопкой на пульте. Экран ожил, демонстрируя спутниковые снимки горного массива, оцептенившегося пиками. — Это ваш новый театр военных действий. Кодовое название объекта — «Улей». Здесь, на глубине двухсот метров внутри скалы, расположен автономный командный бункер бывшего генерала Ковача. Вы знаете его как «Серого кардинала».

Ярослав присвистнул. Имя Ковача было овеяно мрачными легендами. Гений военной логистики и бывший стратег одной распавшейся сверхдержавы, он стал главным дестабилизатором половины горячих точек планеты. Он торговал оружием, технологиями и хаосом. На его счету были сотни тысяч жизней. Но главная опасность заключалась в другом.

— Нам стало известно, — вступил в разговор Шеф, — что Ковач завершает разработку портативного нейтронного устройства «Пепел». Это не грязная бомба, это нечто иное. Компактный излучатель, способный уничтожить все живое в радиусе пяти километров, оставив инфраструктуру нетронутой. Идеальный инструмент для молниеносного захвата мегаполиса. По нашим данным, первая действующая боеголовка готова. Аукцион по ее продаже состоится прямо в «Улье» через семьдесят два часа. Съедутся все: террористические ячейки, представители враждебных режимов, военные диктаторы. Если устройство покинет бункер, мир захлебнется кровью. Мы не можем допустить этого. Ваша задача — проникнуть в «Улей», уничтожить Ковача и само устройство.

В комнате повисла тишина. Кира переводила взгляд со спутниковых снимков на лица командования. Задача выглядела не просто невыполнимой — она выглядела как изощренный способ самоубийства.

— Проникновение? — нарушил молчание Ярослав. Его голос звучал спокойно, но она знала, что сейчас в его голове уже прокручиваются сотни сценариев. — Это невозможно сделать скрытно. «Улей» — это крепость. Системы ПВО, многоуровневый периметр, сотни бойцов. У нас нет армии для штурма.

— Именно поэтому мы посылаем двоих, — отрезал Громов. — У нас есть агент внутри. Он обеспечит вам легенду и доступ в бункер под видом покупателей — представителей одного африканского режима. Но связь с агентом оборвалась двенадцать часов назад. Скорее всего, он раскрыт. Это означает, что вы идете вслепую. Ваша главная задача — не просто уничтожение цели, а гарантированное уничтожение. Если «Пепел» активируют или вывезут — последствия будут катастрофическими.

Кира почувствовала, как холодок пробежал по позвоночнику. Она много раз смотрела в глаза смерти, но сейчас ощущение было иным. словно сама судьба сжимала вокруг них невидимую петлю.

— Мы справимся, — внезапно произнесла она. Ее голос прозвучал тихо, но твердо. Громов поднял на нее тяжелый взгляд.

— Я не сомневаюсь, старший сержант. Поэтому и вызвал вас. Вы лучшие. Вылет через три часа. Детали операции получите на планшет. Вопросы?

Вопросов не было. Им передали планшеты, и они покинули центр планирования. Оказавшись в пустом коридоре, Ярослав остановил Киру, взяв ее за локоть.

— Что ты чувствуешь? — спросил он, заглядывая в ее глаза.

— Это ловушка, — тихо ответила она. — Они знают, что агент раскрыт, но все равно посылают нас. Либо это билет в один конец, либо проверка, которой еще не было.

— Я тоже так думаю, — Ярослав притянул ее к себе и крепко обнял. — Но у нас нет выбора. Если то, что они говорят о «Пепле» — правда, мы не можем стоять в стороне. Просто... пообещай мне кое-что.

— Что?

— Что бы ни случилось, ты вернешься. Даже если ради этого придется нарушить приказ. Даже если я останусь там.

— Ярослав, даже не смей...

— Пообещай, — в его голосе звучала сталь, но глаза умоляли.

— Тогда и ты пообещай мне то же самое, — прошептала она.

— Обещаю, — солгал он, и они оба это знали.

Транспортный вертолет доставил их в зону выброски глубокой ночью. Холодный разреженный воздух обжигал легкие. Они спускались по канатам в полной темноте, используя лишь приборы ночного видения. Вокруг высились безмолвные скалы, равнодушные свидетели человеческой жестокости. Им предстоял двадцатикилометровый переход по пересеченной местности, чтобы достичь подножия горы, в чреве которой скрывался «Улей».

Они шли молча, привычно сканируя пространство. Ярослав двигался впереди, Кира прикрывала тыл. Их дыхание синхронизировалось, шаги стали почти бесшумными. Ночь была их союзницей. За три часа до рассвета они достигли условленного квадрата и залегли в расщелине, изучая вход в бункер через мощную оптику.

Он был спрятан идеально — массивные стальные ворота, врезанные в скалу, почти сливались с камнем. Охрана — десять человек, не считая скрытых огневых точек. Камеры. Датчики движения. Мины-растяжки. Но самым неприятным сюрпризом стала группа людей, вышедшая из ворот за десять минут до рассвета. Среди них Кира отчетливо разглядела человека с характерным командным планшетом и властными жестами. Генерал Ковач собственной персоной. Он что-то горячо обсуждал с двумя подручными, показывая в сторону долины.

— Вот он, голубчик, — прошептал Ярослав. — Ждет гостей.

— Смотри, — Кира кивнула на другую группу, появившуюся из-за восточного склона. Несколько фигур в камуфляже без опознавательных знаков выдвигались к воротам. Вероятно, первые покупатели. — Время пошло. Мы должны попасть внутрь до окончания аукциона.

План был дерзким и почти безумным. Ярослав и Кира спустились ниже по склону и дождались следующую группу — троих наемников, представлявших интересы одного из африканских военных лидеров. Именно под видом этой группы они и должны были проникнуть в «Улей», но связной был раскрыт, и план рухнул. Оставалось одно — импровизация.

Ярослав бесшумно снял одного из охранников, патрулировавших восточный периметр, и переоделся в его форму. Кире он принес форму одного из техников, убитого во время короткой стычки. Их оружие и снаряжение пришлось спрятать в расселине. С собой они взяли лишь скрытые ножи, миниатюрные взрывные устройства в подкладке одежды и мини-пистолеты, спрятанные в специальных карманах. Риск был колоссальным, но другого пути внутрь не существовало.

Внутренности «Улья» поражали. Это был гигантский подземный город, вырубленный в скале. Широкие коридоры, яркое искусственное освещение, гул систем вентиляции. Они смешались с потоком других наемников, охранников, техников. Кира едва успевала фиксировать детали: расположение камер, усиленные двери, маршруты патрулей. Ее сердце билось где-то у горла, но лицо оставалось бесстрастным. Ярослав держался рядом, его присутствие было единственным якорем в этом море врагов.

Они выяснили, что аукцион состоится в центральном зале через три часа. Генерал Ковач лично продемонстрирует устройство. Значит, у них есть три часа, чтобы найти боеголовку, заложить взрывчатку и убраться. Или погибнуть, пытаясь.

Они проникли в технический сектор через вентиляционную шахту. Кира, более миниатюрная, пролезла первой, страхуемая Ярославом. Он следовал за ней, стараясь не шуметь. Шахта вывела их в небольшое складское помещение. И тут удача им улыбнулась: прямо перед ними, на специальной антигравитационной платформе, покоилось то самое устройство — «Пепел». Оно выглядело обманчиво просто: серебристый цилиндр около метра в длину, испещренный датчиками и индикаторами. Вокруг него сустились двое техников, а рядом стояли четверо вооруженных до зубов гвардейцев Ковача.

— Начинаем? — одними губами спросил Ярослав.

Кира молча кивнула, доставая из потайного кармана микро-взрывчатку. Они действовали синхронно, словно два хирурга. Ярослав метнул светозумовую гранату, и в тот же миг они выскочили из укрытия. Четыре бесшумных выстрела, сделанных почти одновременно, уложили охрану. Техники не успели даже вскрикнуть — Кира оглушила их точными ударами и быстро связала.

— Ставь заряды, — скомандовал Ярослав, занимая позицию у двери. — У нас минута, не больше.

Кира работала с холодной сосредоточенностью. Ее пальцы порхали над устройством, устанавливая взрывчатку в ключевых узлах. Таймер был выставлен на пятнадцать минут. Но едва она закончила, как по коридорам разнесся вой тревоги. Их раскрыли.

— Уходим! — крикнул Ярослав.

Они бросились к вентиляционной шахте, но поздно. Дверь склада с грохотом распахнулась, и в помещение ворвались бойцы элитного подразделения Ковача. Завязался ближний бой — жестокий, стремительный, кровавый. Ярослав двигался как размытая тень, его нож находил цели быстрее, чем враги успевали нажать на спуск. Кира прикрывала его, экономя патроны. Но силы были неравны. Их зажимали в угол.

— Уходи! — проревел Ярослав, перехватывая автомат одного из убитых гвардейцев. — Я прикрою! Уничтожь устройство!

— Мы уходим вместе! — закричала она, выпуская последние патроны.

— Кира, послушай! — его голос на мгновение перекрыл шум боя. — Таймер уже запущен. Ты должна успеть. Я задержу их. Ради всего святого, иди!

Слезы душили ее. Она понимала, что он прав. Если она останется, они погибнут оба, и задание будет провалено. Но принять это было выше ее сил.

— Я люблю тебя, — прошептала она, глядя ему в глаза.

— И я тебя, мой снайпер, — он улыбнулся своей невероятной, светлой улыбкой. — Увидимся.

Он выскочил в коридор, уводя за собой основную массу преследователей. Звуки выстрелов и криков стали удаляться. Кира, пересиливая себя, нырнула в вентиляционную шахту и поползла прочь, считая секунды.

Таймер неумолимо отсчитывал время. У нее оставалось одиннадцать минут, чтобы покинуть «Улей». Шахта вывела ее в один из грузовых тоннелей. Здесь было меньше охраны — видимо, все силы стянули к месту прорыва, туда, где сейчас сражался Ярослав. Она бежала, не оглядываясь, потому что знала: если оглянется, то бросится назад.

Восемь минут. Она достигла выхода. У ворот ее ждали. Пятеро бойцов перекрыли путь. Кира не колебалась ни секунды. В ее руке оставался последний пистолет с единственной обоймой. Она вскинула оружие. Выстрелы, крики, падающие тела. Пуля пробила ей левое предплечье, но она даже не замедлилась. Пять минут.

Она вырвалась наружу. Холодный горный воздух ударил в лицо. За ее спиной грохотал бункер — видимо, началась перестрелка между подоспевшими группами покупателей и охраной. Она бежала по склону, не разбирая дороги, спотыкаясь о камни. Четыре минуты. Она достигла расселины, где они спрятали снаряжение. Схватив рацию, она попыталась вызвать Ярослава. Тишина. Только шипение эфира.

— Ярик, ответь! — кричала она в микрофон. — Ярик!

Тишина. Три минуты.

Она сидела, вцепившись в рацию, и смотрела на вход в бункер. Каждая секунда была вечностью. В ее голове звучали его слова: «Что бы ни случилось, ты вернешься». Она нарушила свое же обещание. Она оставила его там.

Две минуты. Одна минута. Тридцать секунд.

Когда прозвучал взрыв, Кира инстинктивно пригнулась. Гора содрогнулась. Из вентиляционных шахт и входного тоннеля вырвались языки пламени и клубы пыли. «Пепел» был уничтожен. Генерал Ковач, его гвардия, покупатели, бункер — все превратилось в пылающую могилу.

Кира смотрела на агонию «Улья», и слезы текли по ее щекам. Ярослав не вышел. Она звала его, кричала, срывая голос, надеясь на чудо. Но эхо, отражавшееся от скал, было ей единственным ответом. Она осталась одна. Без него. Без своей второй половины. Мир, который он научил ее видеть в цвете, снова стал черно-белым.

Она просидела так до самого рассвета. Когда первые лучи солнца коснулись заснеженных вершин, она поднялась. Левое предплечье онемело, кровь запеклась, смешавшись с грязью. Она посмотрела на дымящиеся руины и сунула руку в карман разгрузки. Там лежал последний патрон. Она достала его и зажала в кулаке.

— Мы еще встретимся, — прошептала она.

Она не знала, как выжила в горах, как добралась до точки эвакуации, как оказалась в госпитале. Все эти дни были для нее сплошным туманом. Ее рана заживала, но рана в сердце не затягивалась. Врачи говорили о посттравматическом синдроме, начальство — о награде и длительном отпуске. Ей было все равно.

Через месяц ее выписали из госпиталя. Она стояла в своей мансарде, глядя на дождь за окном, и сжимала в руке ту самую последнюю пулю. Она решила, что это конец. Конец службы, конец всему, во что она верила.

Но судьба распорядилась иначе. В ее двери позвонили. Поздно, в час, когда обычные люди не ходят в гости. Кира, повинаясь обостренному чутью, взяла пистолет и подошла к двери. Посмотрела в глазок. И мир перевернулся.

На пороге стоял Ярослав. Изуродованный шрамами, исхудавший, опирающийся на костыль, с наполовину поседевшими волосами, но живой. В его серых глазах горел все тот же неукротимый огонь.

Она открыла дверь, не в силах вымолвить ни слова. Он смотрел на нее и улыбался своей прежней улыбкой, которая теперь казалась завоеванным с боем сокровищем.

— Я же обещал, снайпер, — прохрипел он. — Последняя пуля всегда для чуда. А ты и есть мое чудо.

Она бросилась к нему, и последняя пуля, звякнув, упала на пол, навсегда оставшись неиспользованной. Их лабиринт теней наконец-то вывел их к свету.

Глава третья: Нож в спину

Возвращение Ярослава стало для Киры вторым рождением. В те первые дни она не отходила от него ни на шаг, боясь, что стоит ей моргнуть или отвернуться, и он снова исчезнет, растворится, как мираж, который привиделся измученному разуму. Но он был настоящим. Израненный, хромающий, с глубокими багровыми шрамами, пересекавшими грудь и спину, он был живее всех живых. Его дыхание по ночам, его тихий смех, его тепло — все это возвращало Киру к жизни, вытаскивало из той черной дыры отчаяния, в которую она провалилась после взрыва в горах.

Они поселились в небольшом домике на побережье, подальше от посторонних глаз. Командование дало им время на восстановление. Официально они числились в длительном отпуске по ранению. Неофициально — их просто не трогали, давая зализать раны. Кира ухаживала за Ярославом с той же методичной тщательностью, с какой раньше готовила винтовку к выстрелу. Она меняла повязки, готовила еду, помогала ему заново учиться ходить без костыля. Он упрямо, стиснув зубы, преодолевал боль, и с каждым днем в нем все ярче проступал прежний Ярослав — сильный, ироничный, нестигаемый. Но что-то изменилось. В его глазах, в глубине, поселилась тень, которой раньше не было. Иногда он замолкал посреди разговора и смотрел в окно, на море, словно видел там что-то, недоступное ей.

— Что ты там высматриваешь? — спросила Кира однажды вечером, подходя к нему с двумя чашками горячего чая.

— Вспоминаю, — ответил он, беря чашку. Его пальцы чуть дрожали — последствия контузии. — Знаешь, когда я остался там, в тоннеле, я был уверен, что это конец. Меня зажали, патроны кончились, я пошел в рукопашную... а потом взрыв. Меня отбросило взрывной волной в какую-то техническую нишу. Сверху завалило обломками. Но я выжил. Меня вытащили.

— Кто? — Кира нахмурилась. Он никогда подробно не рассказывал о своем спасении, а она не давила, понимая, что воспоминания слишком болезненны.

— Отряд «Кобальт», — произнес он, и это имя повисло в воздухе, как звон натянутой струны. — Секретное подразделение, работающее на частную военную корпорацию «Аргус». Они проникли в бункер, когда начался аукцион. У них были свои цели — выкрасть технологии Ковача. Мой взрыв спутал им карты, но заодно и спас меня. Их командир, человек по имени Макаров, вытащил меня из-под завалов и эвакуировал. Я был без сознания почти три недели. А когда очнулся, оказался в частной клинике где-то в Альпах. Макаров лично контролировал мое лечение.

Кира слушала, чувствуя, как внутри разрастается холодок. «Аргус»... Это название она слышала раньше, в закрытых сводках. Частная армия, состоящая из бывших военных элитных подразделений разных стран. Они выполняли самые грязные заказы, те, за которые не брались официальные структуры. Их репутация была зловещей. Они не подчинялись никому, кроме своих хозяев, а их хозяева были теньями, чьи имена не произносились вслух.

— Почему ты не рассказал мне об этом раньше? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Потому что Макаров не просто так меня вытащил, Кира, — Ярослав повернулся к ней, и тень в его глазах стала гуще. — У него есть предложение. Вернее, у его хозяев. Они вышли на меня три дня назад. И они хотят, чтобы мы работали на них.

— Мы? — Кира отставила чашку. — Я не наемница, Ярослав. Я присягала...

— Я знаю, — перебил он. — Я тоже. Но выслушай. Мир меняется. Ты видела, что творится. Наши правительства играют в политику, а такие, как Ковач, наживаются на крови. «Аргус» предлагает нам не просто деньги. Они предлагают ресурсы, информацию, защиту. И возможность делать то, что мы умеем, без бюрократической волокиты. Без предательства штабных крыс, которые послали нас в «Улей», зная, что это ловушка.

В его словах была горькая правда. Кира вспомнила Громова, его мрачное лицо, когда он ставил им задачу. Да, их послали почти на верную смерть. Но предать свою страну, стать наемниками, продавать свои навыки тому, кто больше заплатит... Это было не для нее. Она стала снайпером не ради денег.

— Я не могу, — сказала она твердо. — И тебе не советую. Мы ранены, Ярик, мы выгорели. Нам нужен покой, а не новая война. «Аргус» — это билет в один конец, ты сам понимаешь. У них нет ни чести, ни принципов.

— У них есть выживание, — он резко поднялся, поморщившись от боли в ноге. — Ты думаешь, меня спрашивали, когда ставили на колени и приставляли ствол к затылку? Я должен им жизнь, Кира. Без них я бы сгнил в той скале. Макаров сказал, что если мы откажемся, они не навредят нам. Но они будут считать нас потенциальной угрозой. А ты знаешь, что это значит. Нас просто убьют, когда мы меньше всего будем этого ждать. Подумай об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.